

КОЛЯДА Николай Владимирович [4.12. 1957, с. Пресногорьковка Ленинского р-на Кустанайской обл., Казахстан] — прозаик, драматург, актер, режиссер.

Родился в семье работника совхоза. С 1973 по 1977 учился в Свердловском театральном училище (курс В. М. Николаева). По окончании работал актером в труппе Свердловского академического театра драмы. В 1978–80 служил в войсках связи УРВО. С 1980 по 1983 — снова в труппе театра. В 1983–89 учился заочно в Лит. ин-те им. Горького (семинар прозы В. М. Шугаева). По окончании на Всесоюзном совещании молодых писателей был принят в члены СП СССР и в члены Лит. фонда. В 1990 — в члены Союза театральных деятелей.

Первый рассказ «**Склизко!**» был опубликован в газ. «Уральский рабочий» (1982). Первая пьеса — «**Играем в фанты**» (1986) — принесла К. известность и была поставлена во мн. театрах страны. В 1994 в Екатеринбурге прошел фестиваль пьес К. «Коляда-plays», в кот. приняли участие 18 театров России и зарубежья. К этому фестивалю был выпущен первый сб. пьес К. «**Пьесы для любимого театра**».

В 1992–93 К. был приглашен в Германию как стипендиат Akademie Schloss Solitude (Штутгарт). Работал актером в театре «Дойче Шаушпиль Хаус» (Гамбург).

С 1994 преподает в Екатеринбургском государственном театральном ин-те курс «Драматургия». Читает курс тележурналистики в Свердловском гуманитарном ун-те. Как режиссер К. поставил в Академическом театре драмы (Екатеринбург) несколько своих пьес.

К.— «современный, модный и успешный драматург» (С. Корсакова), «самый популярный из современных отечественных драматургов» (М. Давыдова), «объективно популярный» (Е. Сальникова). Его причисляют к «новой» («поствампиловской») волне современной драматургии, наравне с Л. Петрушевской, Л. Казанцевым, А. Галиным, С. Злотниковым, С. Коковкиным и др., исповедующими и развивающимися в рамках философско-эстетических принципов постмодернизма, уже вполне утвердившегося в совр. лит-ре и провозгласившего отсутствие точек отсчета, размывание горизонталей и вертикалей, отмену меры вещей, изъятие цены ценностей и т. д. Потому в пьесах К. основными законами, правящими худож.-драматургическим миром, становятся релятивность, хаотичность и абсурд, на более примитивном уровне обретающие черты и формы

обнаженного натурализма. «Эпатаж — это <...> общий принцип К.-драматурга» (П. Лейдерман), «К.— певец разрухи и упадка» (М. Одина), «живописатель „дна“» (Г. Вербитская), обнаруживающий утрату ориентиров, смешение верха и низа, равнозначность и равновеликость трагического и комического начал в совр. жизни.

Сценический хронотоп пьес К. формируется временем и местом, которые автором определены как «наши дни» и «провинциальная Россия». Материалом для пьес служит низовой быт совр. (постсоветского) общественного мироустройства, наиболее устойчивыми дефинициями которого становятся «дураки» и «дурдом». В традициях постмодернистского восприятия «сумасшедший» мир в пьесах К. выглядит и воспринимается как нормальный. Главным героем становится человек низов и задворков, житель окраин и помоек, обитатель коммуналок и общежитий, «маленький человек» в «тунике гуманитарного вакуума» (Г. Вербитская). Язык улицы, брань и матерщина — наиболее адекватная составляющая лексического словаря персонажей К. Однако интересует К. не социальная сторона проблемы, а философско-психологическая ее составляющая — одиночество героя, затерявшегося в безумном мире, разобщенного не только с людьми, но и с самим собой. В сфере интереса художника оказываются измученные и больные души, исковерканные судьбы, разбитые и ожесточившиеся сердца.

Однако воспринимать творчество К. только как «чернуху» невозможно, т. к. за мразью и грязью его пьес ощутим живой огонек и «серебряные нити» любви. «К. создает свой мир — колоритный и самобытный, где парадоксально сочетается высокое и низкое, трагическое и комическое, пласты высокой культуры и суррогатной, элитарной и маргинальной, символика и интенсивно приземленный быт. В пьесах К. „черное“, низкое всегда сочетается с романтически-возвышенным и светлым <...> К. никому не отказывает в праве быть человеком, никого не судит» (Г. Вербитская).

К.— один из самых профессиональных и «технических» отечественных драматургов. К.— «не любитель, он профессионал и умелец, знающий, на какие педали следует нажимать и за какие веревочки дергать... Мастер пьесы» (Г. Заславский). «Роли он выписывает, что называется, самоигральные» (А. Лайза). «Он понимает законы сцены и умеет выписывать фактуру жизни» (М. Давыдова). На внешнем уровне сюжет пьес К. минимизирован: в его основе оказываются бытовая за-

рисовка, жизненный эпизод, частный случай (нередко облаченные в форму анекдота или шутки), имеющие место «всегда» и «везде». Но опрошенно-бытовые «случаи» К. ординарны только на первый взгляд, по сути они исходно «пороговые»: драматург чаще всего избирает «исключительные дни»: дни рождения («Канотье», «Полонез Огинского»), Новый год («Играем в фанты», «Сказка о мертвой царевне», «Группа ликования», «Попугай и веники»), новоселье («Дураков по росту строят»), смерть, похороны или поминки («Сказка о мертвой царевне», «Рогатка», «Канотье», «Чайка спела»), новое знакомство (напр., по брачному объявлению в «Уйди-уйди» или «Персидской сирени») и т. п., т. е. ситуации, предполагающие и провоцирующие самоанализ, рефлекссию, оценочность, подведение итогов, прогнозирование будущего. Разрешения конфликта в пьесах К. — пьесах «открытой формы», пьесах «без границ», — не происходит, оно выходит за рамки фабульного развития действия, остается на уровне экзистенциальной неисчерпаемости.

Смысловую динамику пьес К. формируют постмодерная интертекстуальность, семантически значимый монтаж «чужого» (цитатного) и авторского слова, с одной стороны, творящий образно-речевую характеристику («самовыражение») персонажа, с другой — порождающий иное прочтение «устоявшихся истин», провоцирующий неожиданное восприятие «общих мест». По словам Е. Дьяковой, в пьесах К. на одном пространстве уживаются «лоскутья Чехова, песни советских композиторов, надрывный сантехнический экзистенциализм Петрушевской, все припевы, хором воспроизводимые от Смоленска до Находки».

Образ автора присутствует в тексте едва ли не на уровне сценического персонажа; «позиция драматурга среди героев и сюжетов его пьес — позиция своего среди своих» (Е. Сальникова). В отличие от традиционных постмодернистов авторский персонаж К. не растворен в тексте и в героях, он явлен как самостоятельный образ, нередко обозначенный в ремарках как Автор, с прописной буквы («Нелюдимо наше море...»). Его комментарии развернуты, ремарки полны и избыточны, речь субъектно-монологична.

К. пишет многоактные и одноактные пьесы, последние из которых объединяет в циклы (напр., цикл «Хрущевка»), в жанровом отношении варьирующиеся от «грустной комедии» до «притчи». Но в любом случае речь может идти о дефиниции «пьеса Коляды»,

имеющей «свой жанровый каркас и стилиевой колорит» (Н. Лейдерман).

В контексте русской драматургической традиции К. наследует идеи и приемы драмы Чехова, развивается в ключе его театральной этики и эстетики (К.: «Любимые мои драматурги — Антон Чехов и Теннесси Уильямс. Они не просто классики, которые вот стоят на полке, — они рядом со мной»). В числе близких ему по духу предшественников-современников могут быть названы А. Вампилов и Л. Петрушевская.

В настоящее время К. написано более 70 пьес, более 30 поставлены в театрах России. Пьесы К. переведены на немецкий, английский, французский, итальянский, испанский, шведский, финский, венгерский, литовский, латышский, греческий, болгарский, словенский, сербский, турецкий, украинский, белорусский яз.

К. — лауреат различных премий, в т. ч. ж. «Театральная жизнь» за лучший дебют (пьесы «Барак» и «Играем в фанты») (1988).

К. — член Авторского совета Российского авторского общества (РАО). Член жюри фестиваля «Золотая маска» по номинации «Драматический театр и театр кукол» (1999, 2000). С 1999 — главный редактор ж. «Урал». Ведет авторскую телепрограмму «Черная касса» на Свердловской ТРК. К. — автор сценария худож. фильма «Курица» (студия ОРФ при «Мосфильме», 1991, реж. В. Ховенко); автор сценария на вышедшего на экран худож. фильма по пьесе «Сказка о мертвой царевне» (1993); автор лит. записи книги воспоминаний артистов — ветеранов Великой Отечественной войны «Главная в жизни роль» (Екатеринбург, 1995). Живет и работает в Екатеринбурге. По инициативе К. с 2003 проводится новый драматургический конкурс «Евразия» [учредители и организаторы конкурса — Академический театр драмы Екатеринбурга и «Некоммерческое партнерство „Коляда-театр“»].

Соч.: Пьесы для любимого театра. Екатеринбург, 1994; Персидская сирень [и др. пьесы]. Екатеринбург, 1997; Уйди-уйди [и др. пьесы]. Екатеринбург, 2000; Кармен жива. Екатеринбург, 2002.

Лит.: Виктюк Р., Николаев Ю. [Предисл.] «Рогатка» П. Коляды // Совр. драматургия. 1990. № 6; Старосельская Н. Паруса без ветра, или Ветер без парусов? // Совр. драматургия. 1993. № 2; Заславский Г. Другая жизнь Николая Коляды // Независимая газ. 1993. 9 сент.; Смольяков А. Жизнь в антракте. Н. Коляда // Театр. 1994. № 1; Зорин Л. [Предисл.] «Барак» Н. Коляды // Совр. драматургия. 1995. № 5; Сальникова Е. В отсутствие несвободы и свободы // Совр. драматургия. 1995. № 1–2; Агишева Н. От Чайки — к интер-

девочке // Экран и сцена. 1996. № 44; Горгома О. Ветер легкий матерок // Сегодня. 1996. 16 июля; Турбин В. Дни на дне // Лит. газ. 1996. № 31; Райкина М. Мы едем, едем. Вот только куда... // Московский комсомолец. 1996. 2 июня; Игнатюк О. Пространство русского сквернословия // Культура. 1996. 27 июля; Лейдерман Н. Драматургия Николая Коляды: критический очерк. Каменск-Уральский, 1997; Кукулин И. Ему и больно, и смешно... // Независимая газ. 2000. 17 авг.; Богданова О. Драматургический постмодерн. СПб., 2003.

О. В. Богданова

КОМАРОВСКИЙ Василий Алексеевич [21.3(2.4).1881, Москва — 8(21).9.1914, Царское Село] — поэт.

Род Комаровских — польского происхождения. Отец К., граф Алексей Егорович Комаровский, был шталмейстером Императорского двора, действительным статским советником. От матери, Александры Васильевны (урожденная Безобразова), будущий поэт унаследовал тяжелый психический недуг, изнурительные приступы которого преследовали его всю жизнь. Сначала К. жил в Тамбовской губ., потом — в Петербурге. После смерти отца, последовавшей в 1897, он поселился в Царском Селе, в доме своей тетки, Любови Евграфовны. В 1900, окончив Императорский лицей, поступил на юридический ф-т Петербургского ун-та, затем, через год, перешел на историко-филол., где учился, с перерывами, много лет. По отзывам современников, К. был человеком отменным образованным, он всерьез занимался живописью, знал несколько языков, свободно читал по-латыни.

К. страстно, самозабвенно любил искусство, которое, по выражению Н. Пунина, «было его колыбелью и его жизнью». Ладом, гармонией искусства он, видимо, умирал хаос своей больной, мятущейся души. Он «как бы вынашивал в себе ритмы и сам казался олицетворением ритмической речи», когда бродил мерным шагом по глухим аллеям царскосельского парка (Голлербах Э.— С. 145–146.). Кому-то К. казался нелепым «чудаком». Но те, кто близко знал поэта, видели в нем романтика, необычного, «странно-очаровательного» человека, не чуждого порой веселой иронии. В последние годы жизни К. был в дружеских отношениях с А. Ахматовой. Весной 1914 он написал посвященное ей стих., сотканное из едва уловимых образов и неожиданных ассоциаций: «**Анне Ахматовой («Вечер» и «Четки»)**». Откликом на это послание явился стих. Ахматовой «Ответ» («Какие странные слова...»), в свою очередь посвященное К.

В. А. Комаровский

Творчество художника, «неожиданное, растрепанное, полное какой-то настойчивой воли и смятенного величия» (Н. Пунин // Аполлон. 1914. № 6–7. С. 87), нравилось далеко не всем. Но были люди, сумевшие оценить его причудливый дар. Особенно ощутимой была поддержка кружка Н. Гумилева, редакции ж. «Аполлон». Именно в лит. альм. «Аполлона» (1912) К. удалось единственный раз опубликовать свою прозу — рассказ-стилизацию «**Sabinula**», в котором талантливо воссоздан эпизод из жизни Римской империи (II в.). Среди героев произведения — знаменитый римский историк Тацит, Публий Агрикола. Редактор журнала С. Маковский в своих мемуарах «На Парнасе „Серебряного века“» почти восторженно писал об этой вещи: «Словесная музыка ее поражает благородством тона, выбором слов, эпитетов — всем холодком самоограничения, краткостью и меткостью» (Маковский С.— С. 247). В том же альм. было опубликовано несколько стих. поэта. И рассказ, и стихи напечатаны под псевдонимом Incitatus (так, по преданию, звали коня Калигулы).

В 1913 в Петербурге вышел сб. стихов К. «**Первая пристань**». Одобрительно отзывался о нем Н. Гумилев, оценивший этот дебютный сб. не как книгу «обещаний», а как книгу «достижений десятилетней творческой работы несомненного поэта». «Все стихи с 1909 г., — отмечал Гумилев, — уже стихи мастера. <...> Под многими стихотворениями стоит подпись „Царское Село“, под другими